ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ПОКОЙНАГО МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА.

Случай, о которомъ хочу разсказать, едва ли многимъ извѣстенъ; между тѣмъ онъ довольно живо характеризуетъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ нашего покойнаго владыку, и потому, мнѣ кажется, заслуживаетъ быть записаннымъ для его будущей біографіи.

Года за три до смерти митрополита Филарета, прихожане одной сельской церкви (неподалеку отъ Москвы) подали ему, „всѣмъ міромъ", прошеніе, въ которомъ жаловались на своего приходскаго священника, что онъ больше года уже ведетъ себя нетрезво, требъ приходскихъ не исправляетъ, обѣденъ даже по праздникамъ не служитъ, и что они, хотя до сихъ поръ терпѣли его, надѣясь, что онъ очувствуется и исправится, но теперь уже потеряли всякое терпѣніе и надежду, почему и просятъ удалить его отъ нихъ, а имъ дать иного священника. Владыка приказалъ вызвать къ себѣ благочиннаго, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ означенный въ прошеніи священникъ. Благочинный явился. Надобно замѣтить, что благочинный былъ сосѣдъ этому священнику, то-есть, приходы ихъ были ближайшіе и смежные между собою,—и онъ уже болѣе года исправлялъ всѣ требы, какъ въ своемъ приходѣ, такъ

и въ сосѣднемъ; потому главнымъ образомъ крестьяне сосѣдняго села и терпѣли долго своего неисправнаго священника, что всѣ требы, безъ малѣйшаго опущенія, исправлялись благочиннымъ. Крестьяне нѣсколько разъ уже порывались принести М—ту жалобу на своего священника, но добрый сосѣдъ благочинный всегда удерживалъ ихъ отъ того своими просьбами и своимъ аккуратнымъ исполненіемъ всѣхъ ихъ законныхъ требованій; впрочемъ онъ самъ былъ человѣкъ уже не молодой и повидимому слабаго здоровья; потому крестьяне, можетъ быть, жалѣя его, а вмѣстѣ и опасаясь, что онъ скоро и не въ силахъ уже будетъ выполнять все нужное для двухъ приходовъ,—вздумали, не сказавшись ему, подать м—ту упомянутое прошеніе.—„Въ твоемъ ли вѣдомствѣ священникъ такой-то (онъ назвалъ его имя)?"—спросилъ владыка явившагося къ нему благочиннаго. „Въ моемъ, владыко святый", отвѣчалъ благочинный.—„Какаго онъ поведенія?"—„Нельзя одобрить, высокопреосвященнѣйшій".—„Почему?"—Благочинный замялся, затрудняясь высказать правду, но и не желая солгать. Владыка устремилъ на него извѣстный свой взглядъ, ожидая отвѣта.—„Не всегда бываетъ трезвъ", проговорилъ благочинный.—„Скажи лучше: постоянно бываетъ пьянъ". Благочинный промолчалъ.—„Почемужь ты мнѣ не доносилъ объ этомъ?" спрашиваетъ владыка довольно уже грознымъ голосомъ. „Священникъ больше года пьянствуетъ (продолжалъ владыка), прихожане остаются безъ службы церковной, требы ихъ безъ исправленія, а ты молчишь?"—„Виноватъ, владыко святый", отвѣчалъ благочинный, низко кланяясь; „доносить я не могъ на своего несчастнаго собрата и сосѣда; у него большое семейство, столько-то (*не знаю сколько именно*) дѣтей. Донести—значило погубить его, а семейство пустить по міру. Но прихожане безъ службы не оставались, и требы всѣ у нихъ исправлялись".—„Кто же исправлялъ требы и служилъ?"—„Я, высокопреосвящ. владыко. Села наши сосѣднія между собою и мнѣ небольшаго труда стоило исправлять требы

въ обоихъ приходахъ,—тѣмъ болѣе, что и приходы-то оба не велики; а службу церковную я правилъ попеременно то въ своей церкви, то въ сосѣдней, куда и собирались прихожане той и другой".—„А доходъ какъ?"— „Доходъ я весь отдавалъ семейству священника".—„Ну, хорошо, сказалъ владыка кротко; какъ сосѣдъ, ты долженъ былъ за него исправлять требы, но, какъ благочинный, ты обязанъ былъ донести мнѣ объ немъ ранѣе: это прямая обязанность благочиннаго. Ты могъ, конечно, и потерпѣть нѣсколько, но не цѣлый же годъ. Еслибъ ты раньше донесъ, можетъ-быть, священника удалось бы еще исправить, а теперь ожидать исправленія трудно. Ты своимъ потворствомъ далъ только усилиться въ немъ пороку, а пользы ему не сдѣлалъ ни малѣйшей. Вѣдь вотъ донесли же о немъ прихожане".—„Не могъ, владыко святый, доносить; рука не поднималась: у него семья большая".—„Да это не твое дѣло", возразилъ владыка, возвышая голосъ; „о семьѣ позаботились бы и безъ тебя; ты не долженъ былъ скрывать виновнаго".—„Простите, в—шій владыко!" проговорилъ благочинный, низко кланяясь. Митрополитъ, помолчавъ немного, снова началъ: „Ну, такъ и быть. Поди же, сейчасъ напиши здѣсь донесеніе и подай мнѣ".— Благочинный стоялъ и молчалъ. „Что-жь ты стоишь"?— спросилъ владыка, взглянувъ на него.—„Простите, владыко святый",—робко произнесъ благочинный, не могу я подать такого донессенія".—„Какъ не можешь?" быстро спросилъ м—тъ. „Я тебѣ приказываю".—„Не могу я", снова произнесъ благочинный, но уже голосомъ болѣе рѣшительнымъ. Митрополитъ, по всей вѣроятности изумленный, а вмѣстѣ раздосадованний этимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ (тѣмъ болѣе, что оно въ настоящемъ случаѣ исходило отъ человѣка невиднаго, который хотя былъ и благочинный, но сельскій, и притомъ по самой наружности казался смиреннымъ и покорнымъ, былъ небольшаго роста, худенькій старичокъ, лѣтъ 50-ти или нѣсколько болѣе), гнѣвно произнесъ: „Не можешь? Ну, такъ я тебя

отрѣшу отъ должности".—„Воля ваша, в—шій владыко",—смѣло уже сказалъ благочинный, „дѣлайте со мною, что угодно, но донесенія подать я не могу".—Быстро всталъ мотрополитъ съ своего мѣста и, пронзивъ благочиннаго своимъ взлядомъ, не сказалъ ни слова, вышелъ поспѣшно изъ пріемной залы (дѣло было въ боковой, длинной залѣ), и удалился въ свой кабинетъ. Благочинный остался одинъ въ комнатѣ и не зналъ, что дѣлать,—выйдти отсюда или дожидаться возвращенія его высокопреосвященства, или какого-нибудь отъ него приказанія. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ рѣшился выйдти изъ залы, и въ передней сѣлъ въ уголкѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, и горько заплакалъ. Всѣ бывшіе тутъ съ недоумѣніемъ смотрѣли на него и, конечно, поняли, что произошло нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Минутъ чрезъ 15 или нѣсколько болѣе, владыка опять вышелъ въ залу, сѣлъ по обыкновенію къ столу, позвонилъ и, когда келейникъ явился, приказалъ впускать просителей. Часа два или болѣе продолжался пріемъ, потомъ кончился; просителей никого уже не оставалось, одинъ только благочинный сидѣлъ въ уголкѣ и тихо плакалъ. Прошло съ полчаса времени. Вдругъ изъ залы раздался звонъ: келейникъ вбѣжалъ въ залу. „Здѣсь или нѣтъ благочинный такой-то?" спрашиваетъ М—тъ.—„Здѣсь."—„Что онъ дѣлаетъ?"—„Сидитъ въ передней и плачетъ".—„Позови его ко мнѣ".—Благочинный входитъ въ пріемную залу, ни живъ, ни мертвъ, и обливаясь слезами, около самой двери становится на колѣна.—„Поди сюда", сказалъ м—тъ. Тотъ подошелъ и по обыкновенію низко преклонился.—„Добрый ты человѣкъ"—тихимъ и кроткимъ голосомъ началъ говорить м-тъ, „вижу, что есть въ тебѣ любовь къ ближнему. Ступай домой и служи по прежнему въ обоихъ приходахъ; Богъ тебя благословитъ". При этихъ словахъ благословилъ благочиннаго,—и тотъ, крѣпко облобызавъ руку владыки и поклонившись до земли, внѣ себя отъ радости, съ сіяющимъ лицемъ вышелъ въ переднюю, гдѣ

и расзказалъ нѣкоторымъ всю эту исторію. Какія были дальнѣйшія распоряженія владыки относительно нетрезваго священника,—не знаю.

Не знаю, вполнѣ ли вѣренъ мой разсказъ, но я изложилъ его такъ, какъ самъ слышалъ; впрочемъ, если тутъ и есть нѣкоторыя невѣрность, то развѣ только въ подробностяхъ разговора, а сущность факта очевидно вѣрная. Сомнѣваться въ этомъ, мнѣ кажется, нельзя, потому что онъ имѣетъ внутренніе признаки своей дѣйствительности: въ немъ рельефно выступаютъ нѣкоторыя черты характера покойнаго м—та неоспоримо ему принадлежавшія: вопервыхъ, его всѣмъ извѣстная взыскательность, особенно возбуждавшаяся отъ противорѣчій; вовторыхъ, его умѣнье или способность скоро овладѣвать своими душевными движеніями и подчинять ихъ разсудку; втретьихъ то глубокое чувство правды, съ какимъ онъ оцѣнивалъ не только дѣйствія, но и побужденія дѣйствій въ своихъ подчиненныхъ.

Прот. Н. Н—нъ.